

священное изречение великого Алиа, что «чернила ученого столь же достойны уважения, как и кровь мученика».

1 июня 1881 года.
Бахчисарай

Russian Islam

This is the 2nd part (1st part — «Ethnographicheskoe Obozrenie», № 5) of a pamphlet in Russian entitled «Russkoe Musul'manstvo», one of the first publications of Ismail Bey Gasprinski (Gaspraly) published in Simferopol in 1881 and reprinted here. The author's views on relations between Muslim world and Western civilization, represented for the most part by Russia, are reflected in the paper.

© 1992 г., ЭО, № 6

А. Беннигсен

ИСМАИЛ БЕЙ ГАСПРИНСКИЙ (ГАСПРАЛИ) И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЖАДИДИЗМА В РОССИИ

В августе 1883 г., спустя ровно 100 лет после присоединения Крыма к Российской империи, в Бахчисарае, бывшей столице Крымского ханства, почти превратившейся ныне в обычный провинциальный город, вышел первый номер газеты «Тэрджиман» («Переводчик»). Ее основателем и редактором был Исмаил Бей Гаспринский, молодой крымский татарин, которого всего лишь через несколько лет будут называть «величайшим мусульманским реформатором XIX в.» и «человском, пробудившим весь тюркский мир». Именно 1883 г. можно считать началом культурного и политического возрождения тюрков-мусульман в Российской империи.

Гаспринский и его газета, о которой мы еще будем говорить, были реальной силой, оказавшей влияние на умы российских мусульман и оставившей яркий след в истории. Чтобы понять причину этого, нам необходимо обратиться к истории. Русская армия впервые заняла Крым в 1736 г., затем в 1771 г., а в 1783 г. бывшее Крымское ханство было включено в состав Российской империи. Политика, проводившаяся Екатериной II в Крыму после его присоединения к России, была значительно более осторожной и либеральной, чем действия Ивана Грозного на мусульманских землях татар и башкир по среднему течению Волги двумя веками раньше. Надеясь избежать ошибок, допущенных Иваном Грозным в Казани, Екатерина настояла на отказе от насильственной ассимиляции мусульман, а русской православной церкви было приказано воздержаться от миссионерской деятельности. Фактически мусульманам была гарантирована полная свобода. В неприкосновенности осталось и высшее духовенство: в 1794 г. муфтий Бахчисарая был официально признан главой мусульманской общины. Однако и муфтий, и все мусульманское духовенство были поставлены под контроль российских официальных лиц.

Это новое положение означало, что как муфтий, так и прочие мусульманские сановники, например кадий аскер и кадии, уже не избирались мусульманским населением, как это было раньше, а назначались царицей из числа «благонадежных и законопослушных граждан». Вакуфная собственность в большинстве своем осталась нетронутой, а не реквизируемой, как это было при Иване Грозном

на средней Волге, и духовенство могло распоряжаться доходами с этой собственности по своему усмотрению. Последовательность либерализма Екатерины II позволила крымскому духовенству сохраниться как обеспеченной и влиятельной части населения Крыма: консервативной по сути, лояльной к Романовым и не проявляющей особого энтузиазма в отношении реформ, способных поставить под угрозу их доходы.

С подобной предусмотрительностью Екатерина действовала и в отношении крымско-татарской знати: местная аристократия получила права и привилегии, дарованные российскому дворянству. В начале XIX в. этот класс, составлявший не более 5% всего местного населения, владел 60% культивируемых земель Крыма. Тем не менее вскоре крымско-татарская аристократия поняла, что не в силах соревноваться с российской, особенно с фаворитами Екатерины II и высшими офицерами, которым царица даровала исключительные права на владение обширными пастбищами в северной и центральной части Крыма, а также землями на южном берегу. Подобную политику проводили все российские лидеры как до, так и после революции.

После 1789 г. крымско-татарское сообщество столкнулось с новой угрозой: притоком большого числа колонистов разных национальностей, особенно греков, армян, волохов и молдаван, украинских казаков, польских евреев и болгар. Александр I, большой поклонник античности, предлагал даже сделать Крым национальной греческой территорией: по его приказу власти пытались уничтожить все следы существования Крымского ханства. Так, в 1784 г. Крым был переименован в Тавриду. Прежние тюркские названия были изменены на греческие: так Ак-Мечеть стал Симферополем, Эски Крым — Левкополем, Гезлев — Евпаторией, Кефе — Феодосией и т. д.

В сложившихся обстоятельствах крымско-татарская знать постепенно теряла свое благосостояние; многие семьи обнищали. Именно эта среда обнищавшей знати дала выдающихся реформаторов и идеологов пантюркизма, появившихся в конце XIX в., в том числе и Исмаила Бей Гаспринского.

Гораздо сильнее страдало от новой русской политики татарское крестьянство. Не имея возможности с оружием в руках противостоять России, многие выбрали для себя более реальной путь: эмиграцию в Оттоманскую империю. Миграции тысяч крымчан, дошедших до полной нищеты, стали главной чертой в истории крымских татар в XIX в. Первая волна эмиграции 1784—1787 гг. была относительно малочисленной — спасения в Турции искали приблизительно 8000 человек. Вторая, более многочисленная была после заключения Ясского договора, ознаменовавшего собой конец русско-турецкой войны 1788—1789 гг. Этот договор положил конец всем надеждам татарского населения на восстановление своей независимости; в результате от 100 тыс. до 300 тыс. татар, в большинстве своем кочевники (ногайцы) степей Центрального и Северного Крыма, эмигрировали в Оттоманскую империю. Их место заняли русские колонисты. В 1812 г. после очередной русско-турецкой войны в Турцию ушла ногайская орда с Перекোпа.

Следующая многочисленная волна эмиграции была результатом крымской войны и относится к 1860—1863 гг. Опасаясь репрессий со стороны российских властей, почти 140 тыс. крымских татар, т. е. $\frac{2}{3}$ всего мусульманского населения Крыма, покинули свою родину. К 1864 г. татарская община здесь сократилась до 120 тыс. человек. Как и прежде, земли, оставшиеся пустыми, заселялись русскими и украинскими переселенцами. Во второй половине XIX в. численность крымско-татарской общины сократили еще две волны эмиграции. В 1874—1875 гг., спасаясь от воинской повинности и насильственной христианизации, еще 60 тыс. татар покинули родину, а в 1891—1902 гг. тяжелые экономические условия в Крыму подтолкнули к этому шагу 20 тыс. человек.

Перепись 1897 г. сообщает, что общая численность населения Тавриды составила 525 тыс. человек, из них крымские татары — 88 тыс. (36%), представлявшие в основном беднейшее крестьянство, находившееся к тому же под постоянной угрозой ассимиляции со стороны более динамичных русских. Российские

обозреватели того времени достаточно обоснованно полагали, что оставшаяся часть крымских татар будет либо ассимилирована, либо изгнана со своей территории русскими и прочими «европейскими» переселенцами из Российской империи.

Однако в сложившихся тяжелых условиях крымские татары не были изолированы. Они были частью многомиллионного сообщества российских мусульман, политическим и духовным центром которых можно считать поволжских (казанских) татар. Когда русская армия захватила большую часть Восточной Анатолии и заняла в 1878 г. Эрзерум, тюрки-мусульмане Российской империи быстро осознали опасность конфронтации с более сильными в промышленном отношении «нsverнными», особенно в момент, когда исчезла возможность получить какую-либо помощь со стороны рухнувшей Оттоманской империи. Общая угроза способствовала возникновению единого для всех российских мусульман самосознания, основанного на понимании того, что без объединения в какой-либо форме, даже без каких-либо обязательств, мусульмане Российской империи будут обречены на рабство и ассимиляцию.

Воплощением нового самосознания стало мусульманское движение за реформы, именуемое джадидизмом, поставившее целью найти пути радикальной модернизации исламского общества, в том числе языка, системы образования, политики и культуры. Инициаторами джадидизма, его основателями выступила целая плеяда выдающихся представителей поволжских татар, в том числе Шихаведдин Марьяни (1815—1889 гг.), Абдулла-Куюм Назири (1821—1907 гг.), Гусейн Фитхани (1826—1866 гг.) и многие другие. Однако после блистательного начала лидерство в движении приняли представители крымско-татарского народа, что было не случайностью, а результатом деятельности одного из наиболее глубоких и удивительных людей в современной тюркской истории Исмаила Бей Гаспринского.

* * *

Исмаил Бей Гаспринский (по-татарски Гаспдали) родился в 1851 г. в д. Гаспра неподалеку от Бахчисарая в семье обедневшего мурзы. Завершив обучение в деревенском мектебе (школе), он переехал в Москву, где окончил кадетский корпус. В Москве молодой Гаспринский подружился с Катковым — одной из главных фигур славянофильского движения. Через Каткова Гаспринский познакомился с руссофильством и русским либерализмом, радикальными политическими идеями. Он прочел Герцена, Чернышевского, Белинского, Писарева и многих других авторов.

В 1867 г. Гаспринский возвращается в Крым, где получает сразу две должности: учителя русского языка в знаменитом и поныне Зиньирлинском медресе и в мектебе в Дерикое. Первый опыт общественной деятельности не принес ему удовлетворения, а смелая критика традиционных методов обучения вызвала протест как у консервативно настроенных учащихся, так и у преподавателей. В конце концов он был вынужден оставить обе должности.

В 1871 г. Гаспринский покидает Крым и уезжает за границу, сначала в Париж, где знакомится с французскими либералами и социалистами (Гаспринский был одним из первых мусульманских политиков, обратившихся к социализму; см. его памфлет «Беспристрастный взгляд на европейскую цивилизацию»). В 1875 г. он переезжает в Турцию и встречается с лидерами движения младотурок, идеи которых оказали глубокое влияние на его образ мыслей.

Вернувшись в 1877 г. в Россию, Гаспринский был избран главой Бахчисарая. Он поставил перед собой поистине геркулесову задачу — разработать прочное научное обоснование для зарождающегося тюркского национального движения. Будучи признанным авторитетом в области образования, лингвистики, литературы и истории, Гаспринский мог взять на себя подобный труд. Для молодой мусульманской интеллигенции особый интерес представлял его политический опыт, разнообразный, оригинальный и обширный. В путешествиях Гаспринский под-

вергался влиянию разных идеологий, в том числе российского популизма в форме славянофильства, французского либерализма и умеренного социализма, пантюркизма младотурок и германского романтизма. Но душой этого разнообразного «сада идей» был и всегда оставался ислам. По мнению Гаспринского, ни одна сколько-нибудь значимая существующая политическая доктрина или культурная программа «зарубежных» идеологий не могла быть заимствована российскими мусульманами в чистом виде. Переносчиком этих идей на российскую почву и их катализатором должен был стать ислам.

Три основные задачи поглотили внимание Гаспринского: модернизация исламского сообщества через реформы образования, духовное и политическое объединение тюрок-мусульман Российской империи и степень сотрудничества мусульманских народов с Западом (представленным в первую очередь Россией), которая должна быть найдена.

Новый метод. Гаспринский с присущим ему энтузиазмом энергично взялся за решение первой задачи, и, учитывая его широкий кругозор и знания, несудивительно, что модернизация мусульманского общества через реформы образования оказалась одним из наиболее результативных начинаний в его деятельности. Реформы системы образования у Гаспринского были основаны на разработанном им «новом методе» (узулю джадид), впервые внедренные в школе, построенной по его собственному проекту в Кайтаз Ада, в четверти мили от Бахчисарая. Предназначался новый метод для замены существовавшего во всех мусульманских учебных заведениях «старого метода» (узулю кадым). Как пишет Эдвард Лаззерини, «старый метод» строился на механическом заучивании студентами Корана и прочих религиозных текстов, и считалось, что лишь зубрежка приводит к достойным достижениям¹. Таким образом, запоминание заменяло собой обучение. Кроме того, заучивание текстов на арабском языке оказывалось достаточно сложным для большинства детей, говоривших на тюркских наречиях и не знакомых с арабским.

«Новый метод» Гаспринского был основан на фонетизации чтения в процессе обучения и введении в план обучения в исламских школах исключенных ранее предметов: арифметики, русского языка, географии и истории. Этот подход был настолько привлекательным, пишет Лаззерини, что несмотря на сильную оппозицию со стороны местных традиционалистов, 40 молодых людей для обучения по новому методу были набраны уже через 2 мес². Когда весть о школе стала распространяться, муллы с Кавказа и Волги приехали в Бахчисарай изучать новый метод, а затем разъехались по домам с намерением открыть свои собственные мектебы. К концу 1880-х годов в каждой русской провинции существовали одно или два подобных заведения. К 1916 г. в Российской империи было уже более 5 тыс. джадидистских реформированных школ, работающих на основе «нового метода»: в каждом мусульманском городе, на Средней Волге, на Кавказе, в Туркестане и степях Казахстана³.

Разработанная Гаспринским система образования также нашла сторонников и последователей за пределами Российской империи, в том числе в Турции, Персии и даже в Индии. Результатом реформ Гаспринского стал резкий подъем к концу века образовательного и культурного уровня мусульманской элиты в империи. Многие мусульманские города — Казань, Бахчисарай, Оренбург, Баку, Уфа, Троицк — стали подлинными духовными и культурными центрами, способными соперничать со Стамбулом, Каиром или Бейрутом.

Единство тюрок-мусульман России и И. Идея необходимости объединения всех тюрок-мусульман Российской империи выражена Гаспринским в лозунге: «Единство языка, мысли и действия». С его точки зрения, именно пантюркистская и панисламистская общность была единственной силой, способной спасти не только его малочисленную крымско-татарскую нацию, но и все тюркское сообщество империи в целом от ассимиляции и растворения в громадной массе российского населения.

Подобные пантюркистские теории выдвигались мусульманскими лидерами и

до Гаспринского, но именно ему удалось найти реальную основу для пантюркистской общности — общетюркский язык. Именно его он разработал для своей газеты «Тэрджиман». Основой нового языка стал по большей части турецкий язык, но в упрощенном варианте, освобожденный, насколько это было возможно, от арабских и персидских наслоений, понятный всем тюркоязычным народам от Балкан до Великой Китайской стены, или, как любил говорить сам Гаспринский, от босфорского лодочника до погонщика верблюдов в Кашгаре.

Гаспринский использовал язык как инструмент для проведения своих идей. «Тэрджиман» стал его проводником во все мусульманские земли империи, которые он не мог посетить сам. Первый номер «Тэрджимана» вышел 10 апреля 1883 г. в Бахчисарае. Сначала он выходил два раза в месяц и имел всего лишь тысячу подписчиков, но уже в 1912 г. «Тэрджиман» стал ежедневной газетой с более чем 5 тыс. подписчиков в России и за ее пределами — в Египте, Турции, Иране, Индии и даже Магрибе.

Гаспринский был главным редактором издания, и от его внимания не ускользали малейшие детали публиковавшихся материалов. «Тэрджиман» привлекал для сотрудничества лучшие интеллектуальные силы мусульман России и Турции, среди которых были Юсуф Акшура, братья Рамисвы, Ахмед Хади Максуди, Ризеддин Фахреддин-оглы, Феридин-Бей Кошерли, Али Акбар Рифесбейли, Нариман Нариманов, Осман Акчор-оглы, Ахмед Озенбашлы, Гасан Сабри Айвазов, Ибрагим Фехми, Фуад Кепруали, Зия Гек Альп, Ахмед Мухтар-паша и многие другие. Благодаря великодушию нескольких богатых промышленников-мусульман, особенно братьев Гусейновых из Оренбурга и Зайна уль-Аббеддина Тагиева из Баку, «Тэрджиман» получил финансовую поддержку.

На протяжении всего периода своего существования (газета издавалась до 1918 г.) «Тэрджиман» отвечал самым высоким литературным и научным требованиям. В редакционной статье первого номера в качестве главной задачи газеты выдвигалось ознакомление тюрков-мусульман с их культурным наследием и современными техническими достижениями западных цивилизаций. Газета стремилась также ознакомить россиян с культурой и идеалами мусульман и сделать их понятными для широкого круга читателей России. Престиж «Тэрджимана» был вполне заслуженным, и отрицать его влияние бессмысленно. Советские историки были среди тех, кто признал его огромное влияние и популярность. Так, Имамалдин Валифов в своей книге отмечает, что воздействие этой маленькой газеты было во сто крат большим, чем «Нового времени» или даже знаменитой «British Times».

«Тэрджиман» был изданием умеренно-реформистским и панисламистским, и в этом виде он не отвечал чаяниям представителей молодой интеллигенции, появившихся на переднем плане политической жизни Крыма во время русско-японской войны и основавших в 1905 г. группу под названием «Молодые татары». Эта нелегальная (особенно в начале своей деятельности) группа строилась по образу и подобию «Младотюрок» и находилась под сильным влиянием идей социалистической революции, получивших распространение в России. Возглавил ее Абдурашид Мехдиев, личность очень интересная, учитель из Казани. Хотя эта группа и отождествляла свою программу с культурными и образовательными идеями Гаспринского, однако судьба мусульман в целом их интересовала мало, а своей первоочередной задачей «Молодые татары» провозгласили освобождение крымско-татарского народа от гнета Российской империи. В 1906 г. они стали издавать свою еженедельную газету «Ватан Хадими» («Слуга Отчизны»), выходящую в Карасубазаре и ставшую вскоре первым изданием, представляющим альтернативную «Тэрджиману» политическую точку зрения.

«Ватан Хадими» просуществовала недолго и была закрыта российскими властями в 1908 г. (ее редактор, Гасан Сабри Айвазов, один из лучших журналистов Крыма, в конце концов был ликвидирован Сталиным в 1936 г. за «национализм»). Однако и этого срока оказалось достаточно для прямых и действенных атак на Гаспринского и его идеи. Гаспринский быстро осознал, что его возможность

влиять на молодое, более радикальное поколение мусульманской интеллигенции через «Тэрджиман» ограничена. Поэтому он открыл в 1906 г. в Бахчисарае вторую еженедельную газету «Миллет» («Нация»), которая, как и «Тэрджиман», была панисламистской, но более радикально националистической, более «левой» и откровенно враждебной по отношению к России. В 1908 г. редактором «Миллета» стал Хасан Сабри Айвазов.

Одновременно Гаспринский учредил и другие издания: «Алеми Нисван» («Мир женщины»), иллюстрированное еженедельное издание (Главным редактором стала дочь Гаспринского Шефика, издавался до 1910 г.); «Алени Сибиян» («Мир детей»), вышедший до 1915 г.; «Ха Ха Ха!» — иллюстрированное еженедельное сатирическое издание, которое часто открыто критиковало царский режим, Оттоманскую империю и Иранское правительство за кажущуюся беспечность в отношении иностранного влияния в мусульманских землях.

В своем романе, изданном под псевдонимом Мулла Аббас Франсави, Гаспринский рекламировал идею единства мусульман. Его «Дар уль-Рахат Мусульманлари» («Страна благоденствия») — научно-фантастическая утопия, рисующая идеальное исламское государство, была издана в Бахчисарае в 1891 г. и стала особенно популярной. В 1915 г. Абдуррауф Фитрат специально для фарсиязычных жителей Туркестана перевел эту книгу на фарси и она была издана в Петрограде в том же году под названием «Мослеманай Дар уль-Рахат»⁴.

Отношения с Россией и Западом. Третья и наиболее спорная часть политической программы Гаспринского касается взаимоотношений с западной цивилизацией, представленной главным образом Россией. Гаспринский никогда не принимал идеи спасения мусульманского мира через слепое подражание европейской цивилизации. В отличие от большинства своих современников он глубоко осознавал потенциальные возможности ислама и был убежден, что упадок мусульманского мира имеет временный характер. Ислам, особенно у тюркских народов, был, по мнению Гаспринского, дорогой в будущее.

В то же время он понимал, что любые преследуемые конфликты с упорно укреплявшейся в Крыму Российской империей кончатся катастрофически как для крымских, так и для других мусульман империи. Он советовал идти на компромисс и на формальное сотрудничество с российским правительством для завоевания всего мира. Гаспринский искренне верил, что русские, как самая отсталая европейская нация, менее опасны для мусульманского мира, чем англичане или французы; но он предлагал России не слепое подчинение мусульман, а равноправное партнерство.

Подробно об этом Гаспринский говорил в одной из своих первых публикаций, в памфлете, озаглавленном «Русское мусульманство», вышедшем в 1881 г. в Симферополе и воспроизведенном нами. К этой теме он часто возвращался на страницах «Тэрджимана» и в еще более острой форме в «Русско-мусульманском соглашении», изданном в Бахчисарае в 1895 г. Подход Гаспринского был традиционен и он всегда вынужден был делать длинные отступления для демонстрации своей лояльности монархии, что превращало его в мишень для радикально настроенных националистов начала XX в., как мы уже об этом говорили. Ахмед Зеки Велиди Тоган, будущий национальный лидер башкир, писал в своей книге, что он помнит существовавшее об Исмаиле Бей Гаспринском мнение как об излишне раболепном (по отношению к российскому правительству)... и что для мусульман было бы опасным поощрять русских обращаться к нам в маске старшего брата, якобы любящего нас, чтобы затем предать⁵.

Другая часть молодой мусульманской интеллигенции критиковала Гаспринского за то, что они называли «аполитичной позицией»; некоторые даже считали его преградой на пути исторических сил, неотвратимо ведущих мусульман Российской империи вперед к социализму и разрыву с русскими.

Большинство критиков позже сумели осознать свои заблуждения и отрелись от них. Гаспринский был реалистом, как это раскрывает в своей статье Томас Каттнер, и обладал неподражаемым искусством «перехитрить» тяжелую руку

российского цензора. Однако Гаспринский заплатил за это умение молчалим и отказом от права на прямое выражение своих политических убеждений⁶.

Во времена, когда Гаспринский мог прямо высказывать свои мысли, он проявил себя искренним и восторженным националистом, а также ярким и откровенным противником русских. Но он редко говорил об этом публично. Вероятно, самая серьезная ошибка была сделана им в каирской газете «Аль-Нахда» («Возрождение»), издаваемой на арабском языке, в номере за февраль-март 1908 г. В ней он обратился с горячим призывом к единству всего мусульманского мира, но одновременно призвал и к сотрудничеству с Западом. Каттнер, суммируя взгляды Гаспринского, пишет, что тот определял Запад как сближение Европы и Америки и для обоих случаев выделял две характерные черты этих сообществ: модернизацию и искусство управления государством. Первая послужила для них основанием считать себя учителями всего мира в области науки и технологий. Вторая была прямым результатом «левых идеалов» и «выдающихся социальных принципов», лежащих в основе этих сообществ. Запад был для Гаспринского основой для подражания во всем без исключения⁷.

В упомянутой статье в «Аль-Нахда» он утверждал, что Запад — это Великобритания, Соединенные Штаты, Франция и Германия, но не Россия. Публикация послужила предлогом для египетских властей закрыть газету после выхода трех первых номеров.

Удивительно то, что план Гаспринского о сотрудничестве с Россией, временном или показном, не нашел отклика ни у царского правительства, ни у прямых монархических партий. Его предложения просто проигнорировали. В 1905 г. другие исламские деятели пытались привлечь к идеям Гаспринского о русско-мусульманском сотрудничестве более либеральных конституционных демократов (кадетов). Проект нового альянса был представлен выдающимся татарским политическим деятелем Юсуфом Акшурой, близким другом Гаспринского, связывавшим свои надежды на политическую эволюцию России с более либерально-демократическими течениями. Акшура верил, что требования мусульман могут быть удовлетворены законными действиями Думы. Однако эти надежды довольно скоро исчезли, поскольку российские «либералы», практически все без исключения, не проявили никакого интереса к национальным стремлениям мусульман империи. Полностью разочаровавшись, Акшура в 1908 г. эмигрировал в Турцию.

Исмаил Бей Гаспринский умер в 1914 г. в канун первой мировой войны. Он был лидером мусульманского национально-освободительного движения и сыграл заметную роль на трех мусульманских конгрессах 1905—1906 гг. и, кроме того, в учреждении в 1906 г. Иттифак аль-Муслимин («Мусульманский союз») — всемусульманской политической партии, воплотившей в себе все надежды исламских либералов, но не пережившей эры столыпинских реформ, наступившей в 1908 г. Крах своей политики и свою личную трагедию Гаспринский выразил в чудесном, но безнадежном стихотворении:

Моя стрела поразит мишень,
Мой конь победит в скачках,
И Карабатир помчит меня к цели.
Но стрела моя не попала в мишень,
Но конь мой проиграл в скачке,
Что же мне делать дальше, о Карабатир?

* * *

Даже неудачные попытки добиться равноправия в партнерстве с Российской монархией и российской либеральной буржуазией не лишили часть мусульманских лидеров надежды на возможность сотрудничества с русскими, пусть даже и представленными в то время социал-революционерами или меньшевиками. Особенно сильны эти надежды были среди молодых революционно настроенных

радикалов, основавших весной 1906 г. группу «Тангчилар», которую возглавили Аяз Исхаки, Фуад Туктар и Абдулла Давлетшин. Это была последняя предреволюционная попытка российских мусульман соединить свои надежды с российским политическим движением, которую как это и было предсказано, постигла судьба предшествовавших попыток. Когда в феврале 1917 г. к власти пришли правые социалисты, их отношение к мусульманам распадающейся Российской империи почти не отличалось от махрового великорусского шовинизма монархистов, смещенных ими.

Для установления сотрудничества русских и мусульман в решении назревших национальных проблем оставалась только одна альтернатива: работать с Лениным и большевиками. Некоторые радикальные исламские националисты, среди которых были представители татар Мир Саид Султан Галиев и Галимджан Ибрагимов, крымских татар Вели Ибрагимов и Туркестана Турар Рускулов и Файзулла Кояев, после революции 1917 г. вступили в Российскую коммунистическую партию (большевиков), поверив, что именно большевики смогут принести истинную свободу их народам. До 1928 г. они и многие другие сыграли большую роль в развитии своих национальных территорий в соответствии с планом большевиков. Позже все они были объявлены «буржуазными националистами» и погибли в сталинских застенках; так был опущен занавес предпоследнего акта трагедии.

Среди первых жертв сталинского режима были революционно настроенные крымские татары, те, кто громче всех критиковали Гаспринского. Ими в июле 1918 г. была создана политическая партия «Милли Фирка» («Национальная партия»), а в 1920 г. она влилась в ряды РКП(б). Вели Ибрагимов, ее лидер, Первый секретарь Крымского обкома, был арестован в январе 1928 г. и обвинен в буржуазном национализме и измене Родине. В мае того же года его казнили. Снятие его с поста послужило началом длительной чистки, продолжавшейся вплоть до 1938 г., в ходе которой погибла вся дореволюционная крымская интеллигенция. Вместе с признанными националистами — мусульманским духовенством, бывшими буржуа, помещиками, кулаками, купцами и представителями всевозможных исламских течений — она растворилась в российских тюрьмах и лагерях.

И именно ослабленное и обескровленное крымско-татарское сообщество избрал Сталин для своей грандиозной акции в 1944 г.: тотальный геноцид крымско-татарского народа, составившего в то время 250—300 тыс. человек. Им было предьявлено коллективное обвинение в сотрудничестве с фашистами, и целая крымско-татарская нация, погруженная на грузовики и поезда, была вывезена в Сибирь и безлюдные пустыни Казахстана. Не пощадили никого, будь то член партии или сражающийся на фронте солдат. 30 июня 1945 г. Крымско-татарская автономная республика была упразднена, а в феврале 1954 г. Крым был передан Украинской Советской Социалистической Республике. В 1957 г. крымские татары были реабилитированы Хрущевым, с них было снято обвинение, использованное как предлог для освобождения территории Крыма от его населения. Но разрешения вернуться в Крым не было дано никому, и в это время крымские земли активно заселялись русскими и представителями других славянских народов, давая нам тем самым наглядную иллюстрацию неразрывности политики, проводимой как царским правительством, так и коммунистами. От Ленина до Горбачева советские лидеры тайно и явно солидаризировались с унаследованной от Екатерины II политикой, когда та отбросила в конце концов все претензии на либерализм по отношению к своим мусульманским подданным. Именно она начала практику отторжения лучших земель у крымских татар и передачу их российским собственникам; ее преемники советского времени лишь ускорили этот процесс, привнеся в него свойственную им жестокость и варварство. Таким образом, когда-то цветущий крымско-татарский народ с длинной и славной историей был просто физически уничтожен. И идеи Гаспринского о русско-мусульманском сотрудничестве приобретают на таком фоне ироническую остроту.

Примечания

- ¹ *Lazzerini E. Jadidism at the Turn of the Twentieth Century//Cahiers du Monde Russe et Sovietique.* 1975. V. XVI. № 2. P. 254.
² *Op. cit.* P. 255.
³ *Bennigsen A., Lemereier-Quellejay C. Islam in the Soviet Union.* L.; N. Y., 1967. P. 39.
⁴ *Валидов И. Очерки истории образованности и литературы татар до революции 1917 г. М.; Л., 1923. С. 52.*
⁵ *Тоган Ахмед Зеки Велиди. Туркестан и его современная история.* Стамбул, 1947. P. 556 (на турецк. яз.).
⁶ *Kuttner T. Russian Jadidism and the Islamic World: Ismail Gasprinski in Cairo, 1908//Cahiers du Monde Russe et Sovietique.* 1975. V. XVI. № 3—4. P. 385.
Ibidem. P. 396.

Ismail Bey Gasprinski (Gaspraly) and the Origins of the Jadid Movement in Russia

A brief biography of Ismail Bey Gasprinsky is given by Bennigsen as well as a short observing of the three main problems, preoccupied Gasprinski during his life: modernisation of the Muslim community through educational reform; the spiritual and political unity of the Muslim Turks of the Russian Empire; and the degree of cooperation which should be sought between Russia's Muslims and the West.

© 1992 г., ЭО, № 6

М. В. Крюков

ОБ АЛЕКСАНДРЕ БЕННИГСЕНЕ

В качестве послесловия к эссе Исмаил Бей Гаспринского «Русское мусульманство» мы перепечатали статью проф. А. Беннигсена (1913—1988 гг.) — одного из крупнейших современных специалистов по истории и культуре мусульманских народов России. Его имя почти неизвестно широкому кругу наших читателей, и в этом в сущности нет ничего удивительного, хотя жизнь и научная деятельность его во многом складывалась необычно, даже парадоксально. Потомок прибалтийских немцев, глубоко русский по духу, он создал свои труды во Франции и США, и только что прочитанная вами статья — одна из первых его работ, опубликованных в переводе на русский язык¹.

Александр Беннигсен родился в Санкт-Петербурге 20 марта 1913 г. (во время навруза, о чем он потом с удовольствием напоминал своим друзьям, — то ли в шутку, то ли всерьез усматривая в этом некий знак, предопределивший его судьбу ученого). Впрочем, занятия востоковедением были давней традицией в его семье: дед по линии матери Д. Хвольсон был известным ориенталистом, перу отца принадлежало несколько фундаментальных исследований по историческому эпосу и фольклору монголов. Другой родовой традицией Беннигсенов была военная служба. Прадед Александра был маршалом и вступил в 1814 г., в Париж во главе русских войск, а отец участвовал в русско-японской, первой мировой и гражданской войнах. После поражения войск Врангеля в Крыму полковник Беннигсен с семьей оказался в Константинополе, а в 1924 г. пересел в Париж, где незадолго до второй мировой войны Александр поступил в высшую кавалерийскую школу. После фашистского вторжения во Францию оккупанты заочно вынесли ему смертный приговор, а после победы Франция отметила мужество младшего лейтенанта А. Беннигсена Боевым крестом и медалью «За сопротивление».

Первые послевоенные годы стали решающими в окончательном выборе на-